

Jeśli spojrzymy na *Spis treści* książki Very Mitrinović, to łatwo spostrzeżemy, że opublikowane w niej prace napisane są w języku polskim, serbskim, chorwackim, słoweńskim, rosyjskim, angielskim i francuskim, a poruszana w niej problematyka dotyczy (w różnym stopniu) prawie wszystkich języków słowiańskich. Równie różnorodna jest poruszana problematyka językoznawcza: od fonetyki i fonologii oraz morfonologii, poprzez słowotwórstwo, leksykologię i fleksję, do składni, stylistyki i tekstologii, a nawet do problemów metodyki nauczania języków słowiańskich. Rozpiętość czasowa badanego materiału językowego sięga od języka prasłowiańskiego aż do czasów nam współczesnych. Zainteresować może każdego sławistę, zarówno profesora, jak i studenta; napisana zrozumiałym językiem naukowym, skłania też do dyskusji z Autorką.

Włodzimierz Pianka

Идеографски диалектен речник на българския език, гл. ред. В. Радева, т. 1: А–Д. София: Български бестселър – Национален музей на българската книга и полиграфия, 2012, 1055 с.

Идеографическая диалектная картотека Кафедры болгарского языка Филологического факультета Софийского университета давно уже пользуется вниманием и признанием ученых-славистов; многие из них имели возможность, приезжая в Софию, работать в ней. И вот теперь эта огромная коллекция лексики, отражающая все словарное богатство болгарских диалектов, становится доступной самому широкому кругу исследователей – диалектологов, лексикологов, этимологов. Замысел словаря принадлежит крупнейшему болгарскому ученому проф. Стойко Стойкову, под руководством которого готовился и издавался диалектный атлас болгарского языка. Памяти Ст. Стойкова и посвящен рецензируемый труд. История собирания материалов для словаря насчитывает уже более 60 лет. В 1969 году Ст. Стойков и М. Младенов опубликовали проспект *Идеографического словаря болгарского языка*¹, к этому времени картотека насчитывала уже более 350 тысяч карточек; с тех пор она возросла многократно. Речь шла о словаре, отличном от обычных диалектных толковых словарей, в которых диалектные слова объясняются с помощью слов литературного языка, и, можно сказать, о словаре, «обратном» обычному: «входом» в словарь должны служить слова литературного

¹ «Български език», 1969, кн. 2, с. 155–170.

языка, которым ставятся в соответствие все диалектные слова с тем же значением. Иначе говоря, такой словарь сочетает в себе признаки переводного словаря (литературно-диалектного) и словаря диалектных синонимов литературной лексики. Авторы проспекта отметили как достоинства, так и недостатки словаря подобного типа. К его безусловным достоинствам относится экономный способ представления огромного лексического материала за счет отказа от традиционных развернутых дефиниций каждого слова (их условно заменяют собой заглавные слова литературного языка) и от иллюстраций употребления слов, простота структуры словаря (алфавитный порядок следования слов), независимость от абстрактной логико-философской классификации денотатов, обозримость номинационных возможностей народного языка; наглядность звукового и словообразовательного варьирования лексики, прозрачность мотивационных моделей номинации при сохранении подробной географической атрибуции каждого диалектного слова. Недостатки словаря такого жанра, как это часто бывает, являются оборотной стороной его достоинств: к ним относится прежде всего неполнота и одномерность семантической характеристики литературных и диалектных слов (особенно многозначных), отсутствие дефиниций и хотя бы минимальных контекстов употребления слова, сведений о сочетаемости, идиоматике и др., что конечно неминуемо обедняет образ и глубину диалектного слова, его соотнесение с другими единицами болгарского лексикона и лексикой родственных языков.

Сразу же надо сказать, что такое понимание идеографического словаря – одно из возможных; более распространенными являются идеографические словари тезаурусного типа, в которых лексика организована не по алфавитному, а по понятийному принципу. В основе таких словарей лежит априорная логическая классификация денотативной сферы лексики. Таков, например, один из первых славянских идеографических словарей – чешский предметно-синонимический словарь, составленный Иржи Галлером² по образцу имевшихся к тому времени европейских словарей-тезаурусов. Первый том чешского словаря включает лексику, относящуюся к космосу и живой и неживой природе, второй – посвящен телесному человеку, третий – интеллектуальному и «социальному» человеку, четвертый – абстрактным понятиям (размер, форма, пространство, время, причина и т.д.); внутри томов и разделов материал организован, как правило, также по смысловому (понятийному) принципу. Другой возможный тип идеографического словаря – так называемый аналогический словарь, совмещающий в себе принцип алфавитного и тезаурусного словаря: слова расположены по алфавиту, но

² J. Haller и др., *Český slovník věcný a synonymický*, t. 1–3; [t. 4] *Rejstřík k svazkům I–III*, zpracovali V. Šmilauer a L. Hradský, Praha 1969–1986.

каждое слово сопровождается ссылкой к соответствующей рубрике (ключевому слову) понятийной классификации, т.е. лексическому полю, в которые входит слово³. В сфере диалектологии идеографическая лексикография пока еще делает первые шаги. В Перми недавно создан этнодиалектный идеографический словарь русских говоров Среднего Урала, построенный по тезаурусному принципу и сочетающий в себе свойства диалектного и этнолингвистического словаря⁴. Серия тематических словарей диалектной лексики издается в Болгарии⁵.

Источниками болгарского идеографического словаря послужили опубликованные словарные материалы⁶, этнографические описания, а также дипломные работы по болгарскому языку и этнографии, записи многолетних диалектологических экспедиций, архивные материалы (библиография источников, составленная Т. Бояджиевым, включает более ста позиций). Географически представленная в словаре лексика охватывает, вслед за старыми источниками, не только собственно болгарскую территорию, но и территорию македонского языка – области Битола, Гевгелия, Куманово, Радовиш, Тетово и т.д. (по определению редактора, стремившегося, вероятно, соблюсти «политкорректность», «българска езикова територия в диахронен аспект»); правда, последовательно даваемые при лексемах пометы (иногда с точностью до села) позволяют эти диалектные идиомы однозначно идентифицировать.

Первый том словаря охватывает только небольшую часть лексики (буквы А–Д), однако читатель получает вполне адекватное представление о содержа-

³ В. В. Морковкин, *Идеографические словари*, Москва 1970; Ю. Н. Караулов, *Общая и русская идеография*, Москва 1976; *Русский идеографический словарь. Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека)*, отв. ред. акад. Н. Ю. Шведова, Москва 2011.

⁴ См. В. В. Липина, *Региональный диалектный идеографический словарь: принципы построения и семантическая структура (на материале бытовой лексики говоров Среднего Урала)*, Дисс. канд. филол. наук, Екатеринбург 2000; ее же, *Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области*. Вып. 4: *Быт*. Часть 1: *Быт: заботы по хозяйству. Обработка волокна и рукоделие. Приспособления для обработки волокна и рукоделия. Волокно, пряжа, ткань*. Екатеринбург 2004. В чешской диалектной лексикографии практикуется сочетание идеографического и алфавитного (дифференциального) принципа. См. J. Buchmanová, *Podkarkonošský slovník*, Praha 1998; Z. Sochová, *Lašská slovní zásoba*, Praha 2001; I. Vojtová, *Slovník středomoravského nářečí horského typu*, Brno 2008.

⁵ См. П. Легурска, М. Китанова, *Тематичен речник на термините на народния календар*, София 2008; П. Легурска, Н. Павлова, М. Китанова, *Човешкият живот: раждане, сватба, погребение. Тематичен речник на българската семейна обредност*, София 2012.

⁶ Прежде всего из серий *Българска диалектология. Проучвания и материали*, кн. 1–10, София 1962–1981; *Трудове по българска диалектология*, кн. 1–12, София 1965–1984, и др.

тельном богатстве всего лексикона, причем не только в собственно лексическом, но и в этнокультурном отношении. Так, в первый том попали три из двенадцати названий месяцев (августа, апреля, декабря), которые демонстрируют разнообразные способы номинации, используемые в этих хрононимах: а) с помощью заимствованного слова и его фонетико-словообразовательных и акцентных модификаций (*Август, Аугуст, Августос, Авастос, Агастос, Хавастос, Автос, Аутос, Агуст, Агуст, Ягуст, Йегуст, Йгуста, Ауст, Яуст; А̀прил, А̀прил, А̀приль, А̀приль, А̀приь, А̀брул, Декември, Дькември, Декемри, Декенври, Дикенри, Декембрий, Децембар*); б) по характерным природным явлениям (*Брезен, Кожодер, Кожодерца, Деряре, Продай кожи, Лъжитрев, Лажитрав, Лажитрав, Лъжитряко, Лъжско, Лъжска, Ложско, Ложко, Тревен, Тревния, Цветен* – для апреля; *Зима, Студен* – для декабря); в) по названию главных праздников, приходящихся на этот месяц (*Богородички, Преображение, Богородичен месец, Голяма Богородица* для августа; *Благовещкия, Гергевския, Гергьовския, Гергьоския, Гергиювия, Гергьовке, Йорутския, Повилигдян, Йорутския месец* для апреля; *Божичев, Божичевио месец, Ендричко, Коладски, Коледния месец, Коладно времи, Никуль, Никуль, Никулица, Никулица, Никулица, Николскът, Никулския, Никульске, Никулскят, Никулскет, Никуцкия, Никуцке, Никулденски, Светиниколския, Свети Никола, Никулски месец* – для декабря); г) по характерным видам земледельческих работ и орудиям труда (*Сенокос, Сърпен, Жетварцкио месец* для августа); д) номинации оценочного характера (*Болевистивия, Черния месец* для августа); е) другие, в том числе не вполне прозрачные в мотивационном и этимологическом отношении (ср. *Канския месец, Варман* для августа). Подобные данные, представленные в их полноте, проливают свет на традиционное восприятие календарного времени в славянской народной культуре.

Почти одновременно с рецензируемым словарем в Софии был опубликован замечательный словарь болгарских диалектных терминов родства, представивший один из важнейших с культурной и исторической точки зрения разрядов традиционной лексики⁷. Этот словарь сочетает в себе характерные признаки толкового, диалектного, этимологического и этнографического словаря, он построен не по идеографическому, а по алфавитному принципу, поэтому идеографический словарь оказывается по отношению к нему дополняющим источником, «собирающим» воедино все диалектные названия каждого персонажа системы родства, рассеянные по словарю, например, именованная старшей сестры, отца, мачехи и т.д.

⁷ Х. Холиолчев, М. Младенов, Л. Радева, *Българска семейно-родова лексика. Енциклопедичен речник*, София 2012.

Интересно сравнить соответствующие статьи двух словарей. Так, для названий ребенка до крещения словарь родства приводит (каждое на своем алфавитном месте) следующие термины: *голка, голче, голчо, гушле, гушьло, джоле, дуда, еврейче, желязко, кежо, кенда, кошуляк, кушле, кържо, лехудле, малечко, малинка, мушо, некръст, некръстче, пижо, пужа, пужо, пурде, пуше, пушла, пушьло, пъшла, пъшьло, сурко, цуранка, цуранчо, цуре, цурко, цурче, цурьо, чипа, чора, чупка, шуле, шулко, шулько, шульо, шушулко*. Идеографический словарь помещает эту информацию в общей статье «Дете» (ребенок) в отдельной рубрике «Малко некръстено дете» (маленький ребенок до крещения), где дается в целом тот же список названий, но все же с некоторыми заметными отличиями: в нем отсутствуют, например, формы *гушле, гушьло, джоле, желязко, кендо, кошуляк, кържо, лехудле, малечко, малинка, некръст, некръстче, пужо, пушла, пъшла, сурко, цуранка, чипа, чупка* и некоторые другие диалектные термины родства, зато даются дополнительно к списку словаря родства лексемы или формы: *детенце, евренчи, йеурейчи, йерейчи, кушла, кушни, кушлю, леунчи, лофусник, монда, некръши, пепеляна, пижанче, пирок, толю, фижоре, цуце, чорка, шулче, шулчо, шульто* и др.

Для номинации последнего ребенка в семье словарь родства приводит обширный ряд терминов: *безимче, газнетар, дородок, задникар, изпадак, изродок, изтрасляк, изтресало, изтришак, изтришче, изтръсак, мизильник, мизимка, мизинец, мизла, мизльо, мизуль, мизульник, потърсак, сетнак, сетначе, ситнак, сръчо, стръсок*, тогда как идеографический словарь вообще не имеет соответствующей рубрики, хотя состав рубрик в статье «Дете» очень велик и отражает самые разнообразные признаки, характеризующие ребенка: кроме упомянутого выше ряда наименований ребенка до крещения, это просто «маленький ребенок» (*детенце, детле, детурляк, бабун, бечко, маленко, малко, пишляк* и т.д.); «дети, рожденные в один день недели» (*еднодънци*); «дети одной матери, рожденные в один и тот же месяц» (*едномесечета*); «ребенок, рожденный после смерти отца» (*посмрче, посмоче* и др.); «ребенок, рожденный в субботу» (*събутник, саботниче*); «ребенок, рожденный после смерти предыдущего ребенка» (*поморче, посмърче* и под.); «первый ребенок родителей» (*първак, пръвенче, пръваче, зародок* и др.); «ребенок, похожий на отца» (*бащичко*), при этом в отдельной статье «Бащичко» дается гораздо больше названий с этим значением: *башиньо, башко, бащелко, бащенко, татушо, тетньо* и др.; «ребенок от второго брака» (*природеник, природено дете*); «ребенок, который много плачет» (*блудимо, бръняло, врекало, врескавец, врънкало, цвъркало, церло*); «умный, толковый ребенок» (*врангъл, гаджевало, паметар, паметарин, самовияк*); «ребенок, которому после отнятия от груди вторично дали грудь» (*повторче, подзето дете, позаето дете*) и мн. др. В этом богатом и подробно разработанном материале,

который благодаря системе рубрик, приближает словарь к жанру словаря-тезауруса, удивляет не только отсутствие рубрики «последний ребенок», но и отсутствие упоминания близнецов хотя бы в виде отсылки к имеющейся самостоятельной статье «Близнак». Можно было бы сравнить и другие статьи, посвященные терминологии родства, например, «Бате» (старший брат), «Баша» (отец), «Брат», «Вдовец», «Вдовица», «Годеж», «Годеник», «Годеница», «Девер» и др. Эти сравнения, выявляющие совпадения и расхождения между корпусом лексики и способом идеографической систематизации лексем в обоих словарях, еще раз показывают, что необходимы самые разные словари, построенные по разным принципам и имеющие разные тематические рамки, и только все они в совокупности способны приблизиться к желаемой полноте представления диалектной лексики и ее культурного значения.

Отсутствие заранее сконструированной идеографической схемы иногда приводит к тому, что какие-то признаки или характеристики предмета или явления оказываются упущенными. Кроме отмеченных выше случаев («последний ребенок», «близнецы» в статье «Дете»), можно указать, например, на статью «Дъжд» (дождь), где даются рубрики «продолжительный спокойный дождь», «кратковременный сильный дождь», «проливной дождь», «дождь с сильным ветром, буря», «дождь со снегом», но при этом отсутствуют названия грибного дождя, т.е. дождя идущего при солнце⁸. В статье «Дъга» (радуга) приводится большой список диалектных терминов, который существенно дополняет имеющуюся коллекцию названий, на основе которых реконструируются народные представления об этом явлении природы, но в то же время каких-то названий, известных из других источников, в нем недостает, например, *майчин пояс*, *бабина риза*, *богов пояс*, *пойасна*, *опас*, *търъгица*, *тъгъница*, *вила-вила-гица*, *зуница-ваница*, *дъга-дъгица*, *байрек*, *фута* и др.⁹.

Еще один пример из сферы метеорологической лексики, заслуживающий быть отмеченным, – исключительно богатая по содержанию (лингвистическому и этнокультурному) статья «Вятър» (ветер), занимающая 27 страниц убористого текста. Почти не имеющая диалектных синонимов (единичные *дуван*, *дун*, *дуло*, *лихър*, *пльърик*, *фурия*), эта праславянская лексема отличается необыкновенно развитой сочетаемостью с атрибутивами и эпитетами

⁸ Заметим, что номинациям грибного дождя и связанным с ними народным представлениям в славянских и других языках и традициях посвящена большая литература, см., в частности: В. В. Усачева, *Дождь грибной*, [в:] *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* под общей ред. Н. И. Толстого, Москва 1999, т. 2, с. 111–113.

⁹ См. Н. И. Толстой, *Из географии славянских слов. 8. Радуга*, [в:] *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*. 1974, Москва 1976, с. 22–76.

самого разного свойства, определяющими ветер по многим признакам: по температуре и влажности (*топляк, благия вятър, студен, студенияк, сухия, суховой, мокър вятър, мек вятър* и т.п.), по направлению (*горен, горняк, долен, сливенски, шопски, влашкия, руски, турски, черноморския, румынски, сербский, сърбин, цигански, сибирски, морник, морски, моряка, солен вятър, речник*); по силе (*бързец, бунтовник, бесен*); по времени (*пролетен вятър, мартенски вятър, есеницата, есенник, зимният вятър, вечерник, вечерняк*), по погодному эффекту и последствиям (*дъждар, дъждовник, дажденко, снегар, снегод, снеговник, снежен ветер, снежник, бурянин, бурник, бурен вятър, градушник, дърволом, яснец*), по воздействию на человека и животных (*дерибивол, дерикозел, дерияре, дерипоряз, козодер, свиньодерец, овчодер, порез, поряз, порязан вятър, заешки вятър, конски вятър, кози вятър, църкелов вятър*) и т.д. Очень интересны цветовые определения ветров (как и сторон света и направлений, о чем существует целая литература) – *бялия, белич, белчо, бел ветер, червен вятър, черен вятър, черни вятрок, черняк, црън*, а также оценочные и мифологические эпитеты ветра, например, *благги, веселко, кривак, кривец, криволяк, дяволски вятър, кривненски вятър, поповски вятър, стар вятър, гладник, калояновеца, страшния, стария вятър, вятър, бабин рог* и т.п.

Не имея возможности подробно остановиться на статьях всех тематических групп или разных логических категорий (имена, предикаты, атрибуты, абстрактные категории – время, место, причина и т.д.), отметим кратко некоторые наиболее крупные группы. Из разрядов номенклатурной лексики в первом томе обильно представлены названия растений, например, *акация, бадем, бук, бреза, бурен, вълк, върба, габър, глог, грозде, диня, домат, дърво*, животных (*авлига, агне, бивол, бик, видра, вол, гарван, говедо* и др.), частей тела человека и животных (*бабьяк, бедро, буза, вежда, глезен, гърло, далак*), явлений природы (*безлуние, буря, вихрушка, гръм, дъжд*), природных объектов (*аязмо, бара, вада, долина*), болезней человека и животных (*ангина, антракс, въртоглавица, дифтерит*), лиц, атрибутируемых по разным признакам: термины родства, этнонимы, названия субъектов действий, функций или свойств (*абаджия, ага, баба, бавач, балканджия, баячка, беглец, бедняк, безбожник, безделник, бездетка, бременна, вестител, виновник, воденичар, войник, вршач, глупак, домакин*), артефактов: одежды (*аба, було, ватенка, джубе, дреха*), построек (*балкон, баня, врата*), утвари (*буре, бъчва, ватала, верига, вилица, връв, възглавница, гаванка, гърне*), орудий труда (*брадва, брана, веялка, гвоздей*), пищи (*аница, брашно, вариво, вино, гозба*) и т.д. Немалое число статей посвящено предикатной лексике: это атрибуты-прилагательные (*ален, алчен, бавен, бащин, беден, безсилен, безсолен, бесстрашен, безумен, бистър, бърз, весел, вехт, грозен, добър* и т.д.), действия-глаголы (*бабувам,*

бавя, бавя се, безпокоя, бия, броя, бягам, вали, вземам, връвя, врътя и др.), имена состояния и свойства (*аппетит, безочие, бесполезно, безредие, болест, възбуда, глад* и др.). Разнообразно представлена темпоральная лексика (*август, април, арангеловден, атанасовден, бабинден, васильовден, веднъж, весден, вече, вечер, внезапно, връбница, вчера, докато, дълго* и т.д.), локативы (*ар, бразда, брод, бунице, вън, двор, далеко, долу* и т.д.), абстрактные имена (*ад, беда, беднотия, белег, вид, власт, грехота, дар, добре* и т.п.), мифологические имена (*ангел, вила, вампир, дявол* и др.).

Большую проблему для составителей создавала многозначность «заглавных» (литературных) слов. В принципе разные значения многозначного слова трактуются в словаре как омонимы и описываются независимо друг от друга. Например, глаголу *бия*² в значении ‘сбивать масло’ сопоставляется свой ряд диалектных синонимов: *избивам, бутам, бучкам, бъркам, груша, джуркам, журам, клати са, мутим, чукам* и др., не совпадающий с синонимическим рядом глагола *бия* в значении ‘наносить кому-л. удары, побои’ (дефиниция автора статьи): *бия, бувам, буфкам, бьскам, бьхтам, гнетем, лупам, магерим, млатим, перем, праскам, тепам* и многие другие, преимущественно экспрессивные, диалектные глаголы. При этом остается неясным, имеются ли диалектные соответствия глаголу *бия* в других значениях, относящихся к другим видам битья, когда объектом действия является не человек, а предмет; употребителен ли соответствующий глагол для обозначения битья в колокол, стрельбы,ковки металла и т.п., в идиоматических выражениях типа литературных *бие на очи, вино бие в главата, бие на чувство* и т.п. С другой стороны, во многих случаях важно было бы знать, какие другие значения имеют приводимые диалектные глаголы, кроме экспрессивных значений, связанных с битьем человека. Аналогично в случае прилагательного *дебел* хотелось бы знать, употребительно ли оно применительно к другим носителям признака, кроме человека, ср. в литературном языке *дебело дрво, дебел плат, дебел снег* и др.

В этом по необходимости кратком обзоре трудно высказать все замечания и соображения, возникающие при знакомстве с этим фундаментальным трудом, осуществленным группой софийских диалектологов – Т. Бояджиевым, В. Жобовым, Г. Колевым, М. Младеновым, Д. Младеновой, В. Радевой под редакцией В. Радевой. По существу это издание, при всей специфике его профиля и всех неизбежных упущениях, обещает стать самым полным сводом болгарской лексики, значительно превосходящим по объему и репрезентативности и словарь Н. Герова, и обширный диалектный материал, содержащийся в *Болгарском этимологическом словаре*, которые до сих пор имелись в распоряжении исследователей. Значение этого свода в общеславянской перспективе трудно переоценить; болгарский словарь пополняет

коллекцию сводных диалектных словарей славянских языков нового поколения, таких как *Словарь русских народных говоров* (издание близко к завершению, вышло 45 выпусков, до буквы Т), польский *Słownik gwar polskich* (издано 7 томов до буквы F), словацкий *Slovník slovenských nárečí* (d. 1–2, Bratislava 1994–2006). Вместе с имеющимися региональными диалектными словарями, национальными и региональными диалектными атласами, лексическими томами «Общеславянского лингвистического атласа», специальными лексическими атласами отдельных языков (белорусского, чешского, словацкого, лужицкого) сводные лексикографические собрания составляют богатейший корпус общеславянской народной лексики.

Светлана М. Толстая